

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-110-115

ФИКСАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЪЕКТАХ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА⁸

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: culture_mar@mail.ru

Будучи «воротами Евразии», Астрахань исторически представляет собой перекрёсток культур и религий, где разные культурные миры постепенно сложились в одну культурную традицию, имеющую определённое сходство с культурными ценностями российского общества и одновременно обладавшую своей уникальностью. Современное пространство культурного разнообразия неустойчиво и характеризуется размытой идентичностью. С одной стороны, глобализационные процессы унифицируют посредством массовой культуры ценностные категории, с другой – угроза стандартизации повышает значимость этнокультурных традиционных ориентаций и символов, через которые они позиционируются. Одним из способов фиксации этнокультурной идентичности становятся визуальные объекты городского пространства. Отражая этапы развития общества, меняются культурные сигнификаты, изменяя структуру и смысловую нагрузку культурного наследия. Процессы глобализации нарушают традиционные формы идентичности, ставят под сомнение самоидентичность народов, сформированную в рамках прежних традиций. Особенно остро это ощущается представителями малых групп, этнических, религиозных меньшинств и иммигрантов. Происходящая трансформация привычных форм идентичности запускает механизмы трансгрессии культурной идентичности, которая одна из первых подвергается существенным изменениям под влиянием внешних и внутренних факторов. В рамках данного исследования автора интересовала проблема отражения трансформации «исконной» идентичности населения в культурном ландшафте городского пространства.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, культурная память, аутентичность, сигнификаты, трансформация

FIXATION OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY IN URBAN SPACE OBJECTS

Khlysheva Elena V., D. Sc. (Philosophy), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: culture_mar@mail.ru

The article discusses the process of transformation of ethnic identities in the modern world on the example of Astrakhan multicultural region. Being the "Gate of Eurasia", Astrakhan is historically a crossroads of cultures and religions, where different cultural worlds have gradually formed into one cultural tradition that has a certain resemblance to the cultural values of Russian society, and at the same time possessed its uniqueness. The modern space of cultural diversity is unstable and characterized by a blurred identity. From the one side, globalization processes unify value categories with the help of mass culture, from the other side, the threat of standardization increases the interest to own ethno-cultural traditional orientations and symbols through which they are positioned. One of the ways of fixing ethno-cultural identity is visual objects in urban space. Reflecting the stages of development of society, cultural signals change, modifying the structure and semantic load of cultural heritage. The processes of globalization violate traditional forms of identity, cast doubt on the identity of peoples, formed within the framework of previous traditions. This is especially acutely felt by representatives of small groups, ethnic, religious minorities and immigrants. The current transformation of habitual forms of identity triggers mechanisms of cultural identity transgression, which was one of the first changes under the influence of external and internal factors. Within the framework of this research, the author was interested in the problem of reflecting the transformation of the "native" identity of the population in the cultural landscape of urban space.

Keywords: identity, globalization, cultural memory, authenticity, signaling, transformation

⁸ Выполнено при финансовой поддержке РФФ проект 18-78-10064 Трансформация механизмов формирования пострасгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве. (The research is done with the assistance of RNF project 18-78-10064 Transformation of the mechanisms of formation of the post-transgression model of religious identity in the modern information space.)

Состояние межэтнических отношений во многом зависит от динамики трансформации идентичности различных социальных, территориальных и этнических групп. При этом под трансформацией понимается процесс качественного изменения идентичности под влиянием различных факторов, как внутренних, так и внешних. Население поликультурного региона является носителем множества культурных уровней – этнического, регионального, общероссийского и т. д., что создаёт основу для преодоления локальных этноконфессиональных противоречий за счёт наднациональной идентичности и региональной самоидентификации людей разных национальностей. Такая идентичность – главный маркер уровня социальной-комплементарности общества.

Однако сегодня наряду с естественной трансформацией идентичности отмечается и направленное конструирование идентификационных структур, особенно на территориях, подвергающихся иммиграционному давлению. Это говорит о необходимости всестороннего исследования для выработки метода, способного решить проблему межкультурного, межнационального взаимодействия без силовых действий и санкций.

Гетеротопное пространство уязвимо и чувствительно к происходящим переменам. Любое изменение влечёт за собой нарушение равновесия и ставит под угрозу стабильность общества.

Появление новых транскультурных образований актуализирует для науки поиск выработанных и апробированных в ходе исторического развития образцов и сценариев сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов. Требуется кросскультурный анализ проблем идентификации на всех уровнях: региональном, национальном и общегражданском, а это невозможно сделать без выявления индикаторов этнического, конфессионального и регионального уровней самосознания. Кроме того, следует учитывать сложность процесса самоидентификации разных культурных миров, где определение собственной культурной идентичности в современных условиях становится острой проблемой.

Предлагаемые теоретические конструкты выработки адекватных механизмов сосуществования культур требуют тщательного анализа. Для этого используется комплексная система методов, в основе которой лежит сравнительная аналитика. В работе использованы как диахронный, так и синхронный методы исследования. Требуется кросскультурный анализ проблем идентификации, а это невозможно сделать без выявления индикаторов этнического, конфессионального и регионального уровней самосознания.

У каждого народа в процессе развития формируется уникальная культурная память (родовая, этническая, конфессиональная и т. д.), но когда эти народы встречаются на одной территории и обустраивают совместную жизнь, речь уже идёт не просто о развитии, но о конструировании новой, общей региональной культуры, представленной различными артефактами, в том числе культурным наследием. Однако когда в рамках одного общества сосуществуют люди с разными культурными традициями, включённость наследия в ярко выраженный поликультурный ландшафт становится проблемным.

В ходе освоения края идёт процесс символизации окружающего мира. Именно на этом этапе происходит своеобразная дифференциация мира на «свой» и «чужой», проявляющаяся в культурных сигнификатах⁹. Они легко мифологизируются, переходя из области факта в область мифа, и наоборот, исторический факт сигнификата подстраивается или, точнее, встраивается в мифологическую схему. Учитывая тот факт, что в поликультурном обществе в формировании культурной памяти участвуют самые разнообразные этнические субъекты, и их сигнификаты также разнообразны, а порой и взаимоисключающие, становится понятным сложность формирования единого коммуникационного пространства.

Стремление к совмещению взаимоисключающих сигнификатов отражается на специфике идентичности, внося трудноразрешимые противоречия и лишая её целостности. Учитывая, что идентичность как «относительная устойчивость индивидуальных, социокультурных, национально-этнических, цивилизационных параметров, выступающих основой самоидентификации и общественных образований и личности» [3] непосредственно связана с повседневными

⁹ Историко-культурные феномены (исторические события, традиции, места ландшафта, персоналии, фольклорные, нарративные и прочие реалии), которые закрепляются в народной памяти как наиболее значимые, транслируются и выступают своеобразными фиксированными символами этнической идентификации [см.: 10].

практиками и является «достоянием» обыденного сознания под давлением непонятных, несводимых к единству противоречий начинает размываться и существенно трансформироваться. Всплеск интереса к своей этнической истории приводит к изменению привычного в советское время соотношения как между этническими и официальной культурами, так и между самими этнокультурными образованиями. Все это обуславливает кризисное состояние идентичности в современный период.

Исходя из существования в современном мире множества локальных культур, можно констатировать факт наличия разных вариантов понимания окружающего, зависящего от конкретных ситуаций. Проблема культурной самоидентификации человека связана с определением его отношения к окружающей действительности, её осмысления и изменения в соответствии с адаптационной необходимостью. Именно таким образом формируются модусы культуры, которые задают общий характер взаимодействий в социуме, а главное – определяют параметры национального самосознания, опирающегося на систему ценностных ориентиров всех членов социума, являющуюся фундаментом для дальнейшего существования и развития сообщества людей.

Под влиянием постмодернистской ризомы современный мир становится предельно эклектичным, совмещая в себе артефакты различных национальных традиций. Эта эклектичность приводит к усилению интереса к множеству ранее не исследуемых, маргинальных объектов и феноменов культурной памяти. Естественно, что формирование самоощущенности индивида в этой ситуации оказывается «фундированным не таким его основанием, как разумность, а субъективной логикой “жизни”» [3].

Тем не менее, даже глобализационные и инновационные тенденции, доминирующие в современном мире, не в силах полностью стереть этнокультурную память. Последняя выражает себя преимущественно в профанных практиках повседневной жизни и локализуется в памятниках культуры. Трансляция культурной памяти со временем ослабевает, значимые памятники одного поколения теряют свою актуальность и продолжают «жить» отстранённо, выпадая из реальности, «соотносясь лишь с соответствующими институтами (школами, вузами, музеями, библиотеками)» [6, с. 207].

Утрата этнической означаемости памятника приводит к упрощению прочтения истории через представленные артефакты, влечёт за собой оторванность от «культурного ядра» и деформацию этносоциальной модели поведения. При этом памятники культуры начинают выполнять другие, не менее значимые функции.

Кризисные периоды возобновляют потребность в «правильной» трактовке своей истории, и внимание к «наследию» усиливается, воплощаясь в практиках коммеморации. Коллективная память нуждается в «постоянном “напоминании”, в подпитке» [7]. Одной из таких практик становится воздвижение памятников, олицетворяющих знаменательные моменты жизни этноса или великих личностей. Всё это должно служить формированию коллективной идентичности через общие воспоминания и гордость за свой народ.

Однако помимо этой задачи, памятник маркирует пространство, изменяя городской (сельский) ландшафт. На первое место выходит контекст, в котором находится памятник. Такой контекст влияет на когнитивный характер восприятия населением «смыслового посыла мемориала» [5, с. 19]. В коллективном представлении город «окрашен в гамму социальных чувств – одни памятники замечают, другие игнорируют» [12].

В любом случае городское пространство и его символические точки, к числу которых относятся и городской памятник, задают модели жизненных приоритетов. При этом наше внимание в городе всё равно остается мимолетным и фрагментарным. Слишком много информации нас окружает, и память дистанцируется от происходящего. Помимо этого многие вещи мы воспринимаем как должное и повседневное [11, с. 22]. Таким образом, памятник, с одной стороны, является символом определённого события, а с другой – маркером городского / сельского пространства.

Для исследования был взят поликультурный регион Нижнего Поволжья, где процессы заселения и взаимодействия народов проходили достаточно своеобразно. Астрахань исторически представляет собой перекрёсток культур и религий, где разные культурные миры постепенно сложились в одну культурную традицию, имеющую определённое сходство с культурными ценностями российского общества и одновременно обладавшую своей уникальностью.

В списках памятников истории, культуры и архитектуры Астрахани состоит 653 объекта. Они относятся к разным периодам развития города, имеют различную ценность, синтезируют культурные достижения народов края и оказывают влияние на разные сферы жизни. Любой сигнификат в различные эпохи может манифестировать себя в обществе в самых разнообразных символах. Поэтому наряду с объединяющими сигнификатами достаточно примеров взаимоисключений: это и исторические личности, и события, к которым у разных этносов разное отношение. Такие противоречия чреваты конфликтами, и нужна гибкая политика по снижению деструктивных характеристик сигнификатов, включение их не в этническую, а в общенациональную систему культурной памяти и без какой-либо негативной его оценки. Здесь встаёт проблема адекватности прочтения проявлений этнической культуры, сохранившей свои артефакты до наших дней по причине упрощённой интерпретации, особенно в контексте массовой культуры, что может лишить традиционные памятники ценностного смысла.

На протяжении истории менялось функциональное назначение многих объектов культурной памяти. Сносились памятники царям, появлялись памятники героям революции, Великой Отечественной войны и др. Эти памятники визуально закрепляли коллективную советскую идентичность, отражающую дружбу народов. Этничность акцентировалась исключительно в русле советской идентичности, поэтому практически во всех регионах СССР, в том числе и в многонациональной Астрахани, сложилась традиция доброго соседства между народами, повлёкшая за собой существование своеобразного быта, межнациональных связей и самобытной культуры. Идея дружбы народов монументально отразилась в скульптурных композициях ВДНХ, фонтанах, памятниках.

В 90-е гг. XX в. относительная устойчивость социальной и этнокультурной ситуации была нарушена. Астрахань вновь становится форпостом и принимает значительную тяжесть миграционных волн из новых независимых государств, а также из конфликтных регионов Российской Федерации. Одновременно внутри региона идут «свои» процессы роста этнического самосознания, который сопровождается усилением интереса к традициям и проявлением в той или иной степени национализма и этноконфессионального противостояния.

Этничность начинает использоваться в качестве инструмента, помогающего этническими элитами в борьбе за власть и влияние в регионе. Для наглядности в Астрахани один за другим стали появляться памятники этническим деятелям или историческим событиям, так или иначе связанным (а иногда и совсем не связанным) с историей края. Первый такой памятник открыли 13 декабря 2008 г. в центре города и посвятили казахскому народному музыканту, композитору, домбристу Курмангазы Сагырбаеву (подарок правительства Казахстана к 450-летию Астрахани). Сам Курмангазы в Астрахани был всего раз, когда привлекался к ответственности за конокрадство, однако его вклад в музыкальное искусство никто не оспаривал. Споры вызвало изображение музыканта верхом на коне. Полководцем Курмангазы никогда не был.

Вслед за этим появились памятники татарскому народному поэту Габдулле Тукаю (подарило правительство Татарстана), туркменскому поэту Махтумкули Фраги (выполнен известным туркменским скульптором Сарагтом Бабаевым и был передан Астрахани в дар), украинскому поэту Тарасу Шевченко (бывшему в Астрахани проездом, возвращаясь из ссылки и оставившему достаточно нелестный отзыв о городе), ногайскому просветителю Абдулхамиду Джанибекову (основные средства в возведение памятника внёс правнук просветителя Марат Джанибеков), астраханским казакам, армянский Хачкар в сквере и др. Эта тенденция понятна: каждый народ, проживающий в регионе, доказывает, что у него есть значимое, заслуживающее увековечивания. Однако город стали буквально заполнять памятники деятелям, прямого отношения к региональной истории не имеющим.

Самыми спорными были памятники первому президенту Азербайджана Гейдару Алиеву (подарок от Фонда Гейдара Алиева Азербайджанской Республики), князю Владимиру на площади перед собором Святого Владимира, святым благоверным Петру и Февронии Муромским, скульптурная композиция «Дама с собачкой» на набережной Волги. Мало того, что это не имеет никакого отношения к астраханской истории, но и сама история здесь подаётся неоднозначно.

В то же время многим реальным деятелям, внёсшим вклад в становление Астрахани, до сих пор нет. Приехавший в город не найдёт ни памятник первому астраханскому воеводе,

по сути, основавшему левобережный город, ни игумену Кириллу, присланному Иваном Грозным, чтобы население смогло жить «есте бережно» [1]. Нет у нас памятников первому профессору словесности, астраханцу В. Третьяковскому, уроженцу Астрахани, поэту, основоположнику русского футуризма В. Хлебникову, французскому писателю А. Дюма (отцу), оставившему свои впечатления от посещения Астрахани в книге «Из Парижа в Астрахань. Свежие впечатления от путешествия в Россию» и др.

Часто установка памятника нацелена не столько на прославление героев, сколько для нагнетания напряжённости в регионе. Так, обсуждение в социальных сетях идеи о постройке памятника Ивану Грозному обернулось встречным предложением мусульманской молодёжи о сооружении памятника хану Батюю. Оба они, хотя и имеют определённое отношение к истории Астраханского края, являются весьма неоднозначно воспринимаемыми сигнификатами [2; 8]. Ещё сомнительней выглядело предложение поставить памятник генералу Ермолову, который какое-то время управлял Астраханской губернией, но жёстко воевал на Кавказе, а также князю Святославу, разбиравшему хазар, когда и Астрахани-то ещё не было [9].

Отношение к памятникам, фиксирующим этнокультурную составляющую, у астраханцев неоднозначное. В Совете при губернаторе даже поднимается вопрос о реализации мероприятий, направленных на «урегулирование разногласий, возникающих в связи с возведением объектов этнического и религиозного назначения в регионе, установки памятников, памятных знаков, мемориальных досок, а также увековечения памяти выдающихся общественных деятелей в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений» [4].

Памятники фиксируют память о наиболее важных событиях и людях, которые или много сделали для города, или его прославили. Это своеобразная иллюстрация истории страны, города, области. Но если не соблюдать логики и порядка в установке памятников, то история предстанет в виде разрозненных деяний этнокультурных личностей, фрагментарных страничек, которые и отношения к региональной истории не имеют. Связного рассказа не получается.

Одним из главных критериев объектов культурного наследия является аутентичность, отражение общероссийской темы и локальной специфики бытования на территории региона. О чём должны помнить астраханцы или что узнают о городе приезжие, если судить по памятникам?

В целом, в Астрахани можно зафиксировать нейтральное отношение к памятникам с этнокультурной направленностью. Эмоциональные проявления наблюдаются только в начале установки монумента. Они выражаются либо в виде согласия, что такой монумент необходим и отражает историю региона / страны, либо в виде недоумения: зачем данный памятник устанавливается именно здесь и какое отношение он имеет к региональной истории. Но по прошествии времени негативные эмоции угасают (если памятник не слишком мешает), и монумент становится неплохим указателем-ориентиром, как пройти в нужное место. Об этнической характеристике памятника вспоминают только экскурсоводы.

Если в советское время шла целенаправленная работа по пропаганде значения культурных сигнификатов, то в данный момент это пущено на самотёк, поэтому молодёжь больше привлекает возможность отдохнуть в парковой зоне, постоять на мосту Дружбы России и Азербайджана (чаще всего об этом не зная или не задумываясь), а кому посвящён этот парк, кто выделил деньги на постройку моста и чья здесь скульптура – им не особенно интересно. Вот и возникает ощущение, что некоторые объекты, устанавливаемые в городе, подходят под ироническое замечание «подарили – не выбрасывать же...».

Список литературы

1. Грамота приказа Казанского дворца астраханскому воеводе о народонаселении г. Астрахани / Астраханская воеводская канцелярия // Государственный архив Астраханской области. – Ф. 999. – Оп. 1, д. 1356. – Л. 43.
2. Грозный под боком у Ленина в центре Астрахани: миллиардера-монархиста попросили вступить за царя. – Режим доступа: <https://kaspyinfo.ru/groznyj-pod-bokom-u-lenina-v-centre-astrahani-milliardera-monarhista-poprosili-vstupitsja-za-carja/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Костина, А. В. Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки / А. В. Костина. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

4. Морозов, С. П. Учитывать вызовы и угрозы в сфере межэтнических отношений. Заседание этноконфессионального совета при Губернаторе Астраханской области по итогам реализации концепции государственной национальной политики в Астраханской области в 2016–2018 годах. – 25.12.2018. – Режим доступа: <https://etnokonf.astrabl.ru/press-release/sostoyalos-zasedanie-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore-astrahanskoj, свободный>. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Мохов, С. В. Городской памятник, как инструмент nation-building: символическое пространство и историческая память / С. В. Мохов // Бизнес. Общество. Власть. – 2011. – № 7 (7). – С. 17–29.
6. Никонова, А. А. Культурное наследие и формирование идентичности / А. А. Никонова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2009. – Вып. 2. – С. 203–209.
7. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html, свободный>. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Синельников, М. Зачем Астрахани памятник хану Батью? / М. Синельников. – Режим доступа: https://www.km.ru/news/zachem_astrahani_pamyatnik_xanu_, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Шаблаков, С. «Он же памятник!..». Монументальные мысли из Астрахани, 2019 / С. Шаблаков. – Режим доступа: <http://astrakult.ru/on-zhe-pamyatnik-monumentalnye-mysli-ot-nashego-avtora/, свободный>. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Романова, А. П. Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие / А. П. Романова, Е. В. Хлыщева, С. Н. Якушников, М. Х. Кусмидинова и др. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2014. – 236 с.
11. Трубина, Е. Видимое и невидимое в повседневности городов. Визуальная антропология: городские карты памяти / Е. Трубина. – Москва : Вариант, ЦСПГИ, 2009. – С. 17–45.
12. Rowles, G. D. Place and personal identity / G. D. Rowles // *Journal of environmental psychology*. – 1983. – № 3. – P. 293–313.

References

1. Certificate of order of the Kazan Palace to the Astrakhan governor on the population of the city of Astrakhan. *State Archives of the Astrakhan Region*, found 999, inventory. 1, case 1356, sheet 43.
2. *Terrible near by the side of Lenin in the center of Astrakhan: the billionaire monarchist was asked to intercede for the tsar*. Available at: <https://kaspyinfo.ru/groznyj-pod-bokom-u-lenina-v-centre-astrahani-milliardera-monarhista-prosros-vstupitsja-za-carja/>.
3. Kostina, A. V. *The crisis state of identity in the modern world: causes and prerequisites*. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary.
4. Morozov, S. P. *Take into account the challenges and threats in the field of interethnic relations. The meeting of the ethno-confessional council under the Governor of the Astrakhan region based on the results of the implementation of the concept of state national policy in the Astrakhan region in 2016–2018*. Available at: <https://etnokonf.astrabl.ru/press-release/sostoyalos-zasedanie-etnokonfessionalnogo-soveta-pri-gubernatore-astrahanskoj>.
5. Mokhov, S. V. City monument as a nation-building tool: symbolic space and historical memory. *Business. Society. Power*, 2011, no. 7 (7), pp. 17–29.
6. Nikonova, A. A. Cultural heritage and the formation of identity. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series 6*, 2009, iss. 2, pp. 203–209.
7. Nora, P. *World celebration of memory*. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.
8. Sinelnikov, M. *Why is Astrakhan a monument to Khan Batu?* Available at: https://www.km.ru/news/zachem_astrahani_pamyatnik_xanu_.
9. Shablakov, S. *"He is a monument!..". Monumental thoughts from Astrakhan, 2019*. Available at: <http://astrakult.ru/on-zhe-pamyatnik-monumentalnye-mysli-ot-nashego-avtora/>.
10. Romanova, A. P., Khlyshcheva, E. V., Yakushnikov, S. N., Kusmidinova M. Kh. et al. *The Lower Volga Frontier: Cultural Memory and Cultural Heritage*. Astrakhan: Publisher: Roman Sorokin Vasilievich, 2014, 236 p.
11. Trubina, E. *Visible and invisible in the daily routine of cities. Visual anthropology: urban memory cards*. Moscow, Option, TsSPGI Publ., 2009, pp. 17–45.
12. Rowles, G. D. Place and personal identity. *Journal of environmental psychology*, 1983, no. 3, pp. 293–313.